ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Пров 3
Пров 19
Дубликатъ

ХИТРАЯ МЕХАНИКА.

Есть у насъ на селѣ совсѣмъ особенный человѣкъ, по прозванію Степанъ. Очень наши односельчане всѣ его уважаютъ. Человѣкъ то ужъ онъ больно дошлый, совѣстливый да правдивый. Никого не боится, всѣмъ правду матку такъ въ глаза и рѣжетъ. Какъ схватится онъ иной разъ съ писаремъ, старшиной или урядникомъ — бѣда! Страсть какой зубастый! Вотъ ужъ подлинно за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Тѣ ему слово, а онъ имъ двадцать: на все отвѣтъ найдетъ, да такой, что совсѣмъ начисто уложитъ: осрамитъ, оконфузитъ при всемъ честномъ народѣ. А если кто изъ насъ въ бѣду попадетъ — начальство начнетъ тѣснить или еще что приключится, то Степанъ готовъ послѣднее отдать, и словомъ, и дѣломъ помочь, никого не побоится. И его совѣтовъ слушаютъ, потому никто лучше его у насъ всѣхъ дѣлъ не знаетъ; кому какое прошеніе ли написать, жалобу ли подать, письмо ли написать, или просто такъ совѣта спросить, — всѣ идутъ къ Степану. Кто за дѣломъ приходитъ, никому отказа не бываетъ. Вотъ за все это сильно не взлюбили Степана наши воротилы. Всѣмъ онъ имъ сталъ поперекъ горла: не разъ уже выводилъ на свѣжую воду разныя ихъ плутни да каверзы противъ міра. И ругаютъ же они его, страсть! А связываться съ нимъ все таки опасаются. Очень онъ ужъ человѣкъ ловкій да смѣлый, себя въ обиду не дастъ: чуть что, такой шумъ подыметъ, что они не рады ужъ что съ нимъ связались. Самъ онъ не нашей губерніи, дальній, и попалъ къ намъ не по своей волѣ — выслали его къ намъ подъ надзоръ. А до этого онъ гдѣ-гдѣ не перебывалъ, чуть не всю Россію исходилъ. И всякаго

2 экз

горя въ своей жизни натерпѣлся: пришлось ему и съ сумой, и съ тюрьмой знакомство свести. Только не за плохія дѣла попалъ онъ въ тюрьму, а за то, что за своихъ односельчанъ больно горячо вступился. Голодовка у нихъ тамъ была, а начальство никакой помощи не оказывало. Міръ и послалъ Степана въ Питеръ съ жалобой на начальство да хлопотать о пособіи. А въ Питерѣ вмѣсто пособія то забрали Степана да этапнымъ порядкомъ домой воротили. Онъ съ этапу сбѣжалъ, да опять въ Питеръ. Тогда ужъ его скрутили, засадили въ тюрьму, да выслали подъ полицейскій надзоръ—онъ де мужиковъ противъ начальства бунтуетъ; не могутъ де они смирно и съ голоду помирать—все начальство безпокоятъ.

Много разныхъ разговоровъ было у меня со Степаномъ о нашей горькой долѣ, о житьѣ нашемъ маятномъ. Одной такой бесѣды я, кажется, во всю жизнь не забуду. О ней то мнѣ и охота вамъ разсказать теперь.

Зашли мы разъ съ дядей Степаномъ въ трактиръ—село то наше большое, на трактѣ; трактиръ есть. День морозный выдался, а мы въ волость ходили, верстъ за восемь. Иззябли, зашли въ трактиръ погрѣться, выпили по рюмкѣ.

— А не дурно бы, говорю я Степану, съ морозу то и еще по рюмочкѣ пропустить.

— Не дурно бы, говоритъ Степанъ, да только вездѣ намъ правительство съ дворянами да купцами поперекъ горла становится.

— А при чемъ тутъ дворяне да купцы? Свои денежки то—пей, коли есть...

— А коли нѣтъ? То-то вотъ, что въ карманѣ то и безъ того не густо. А вотъ, кабы не купцы, да дворяне да царь, такъ каждый изъ насъ за тѣ же деньги и самъ бы по рюмкѣ выпилъ, и еще троихъ угостилъ!

— Да полно, Степанъ, кто же у насъ рюмочку то отнимаетъ, коли мы за нее свои денежки заплатимъ?

— Заплатимъ?... А чѣмъ заплатимъ? Пойми ты, милый человѣкъ, что есть у тебя, примѣрно, 8 коп., такъ ты по настоящему долженъ купить 4 сотки, а тебѣ за нихъ всего одну даютъ. И выходитъ, значитъ, что 3 то

103297

сотки у тебя изъ подъ носу вытаскиваютъ... Значитъ, какъ только ты себѣ стаканчикъ очищенной въ ротъ—хлопъ!,—такъ сейчасъ возлѣ тебя три стаканчика царь да чиновники, да дворянчики разные тоже на твои денежки —хлопъ!

Огорошилъ онъ меня этими словами.—„Да почему бы такъ?“—спрашиваю. „Вѣдь эдакъ и царь, и чиновники, и дворяне должны все бы пьяны быть... Шутка ли съ каждымъ человѣкомъ по три стаканчика пить! Мало ли народу въ Россіи каждый день пьетъ...“

— Въ томъ то и штука, что они, значитъ, вина то не пьютъ, а твои денежки въ свой карманъ кладутъ. Понялъ?

— Мудрено что то, въ толкъ не возьму! Да какимъ же это манеромъ?

— А вотъ какимъ. Знаешь, небось, что теперь „монополію“ на водку ввели, казенныя винныя лавки вездѣ понастроили. Стала виномъ казна торговать, царь нашъ батюшка главнымъ кабатчикомъ задѣлался. Раньше водку продавали сами заводчики и платили только акцизъ въ казну. Заводчикъ могъ бы продавать водку съ выгодой по 60 копеекъ за ведро. Купецъ, что скупалъ у заводчика водку и продавалъ по мелочамъ, тоже хотѣлъ „за труды свои“ получить, вотъ и бралъ за водку не 5, а уже 6 рублей. Акцизъ выплачивалъ какъ будто въ казну заводчикъ, да только выбиралъ то эти деньги заводчикъ съ купца; купецъ тоже платилъ ему не изъ своего кармана, а собиралъ денежки съ нашего же брата, что у него водку по мелочамъ покупали. Значитъ безъ акцизу стоила бы намъ сотка не 6, а полторы либо двѣ копейки. Съ каждаго ведра 4 руб. 40 коп. шло въ казну.

— Ишь ты вѣдь, какую уйму деньжищъ небось собирали! Ну, да вѣдь то дѣло прошлое, теперь слышалъ я акцизу нѣтъ; что же это водка то не подешевѣла?

— А вотъ послушай, что дальше было. Большія тысячи съ акцизу казна-матушка получала, но и этого показалось мало царю да министрамъ. Рѣшили они сами торговать водкой, чтобы побольше на ней доходу имѣть. Теперь казна сама скупаетъ у заводчиковъ водку; они

теперь уже не смѣютъ продавать никому на сторону. И установила казна цѣну на водку 7 рублей 60 коп. за ведро. Министръ самъ писалъ, что за всѣми расходами ведро водки обходится ему 2 рубля, а продаетъ онъ ее по 7 рублей 60 коп., а за сотку 8 коп.. Стало быть, намъ приходится платить за водку вчетверо дороже, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ стоитъ. И выходитъ, что вмѣсто четырехъ стаканчиковъ намъ можно выпить только по одному.

— И много казна такимъ манеромъ съ водки получаетъ?

— Да вотъ въ 1902 г. министръ высчиталъ, что казна на водкѣ получитъ 463 милліона руб.. Шутка сказать — 463 раза по тысячѣ тысячъ рублей! И почти всѣ эти деньги мы изъ своего кармана выплатимъ. Мы водочку то потягиваемъ и сами того не замѣчаемъ, сколько переплачиваемъ лишку въ казну — ни за что, ни про что.

— Вотъ такъ штука, говорю я. Ну, да это не такая еще бѣда, что водка дорога. Отрава она нашему брату. Будь она дешева то,пьянство бы такое развелось — не приведи Богъ. Говорили мнѣ, что царь съ министрами и разсудили, что дескать, окромя вреда ничего мужику отъ водки нѣтъ, вотъ и пусть за нее подороже платятъ да поменьше пьютъ.

— Какъ же, вѣрь имъ. На словахъ они тебѣ такія турусы на колесахъ разведутъ, что имъ же еще спасибо скажешь, а ты погляди ка, что на дѣлѣ выходитъ. Спервоначалу, когда только монополію вводили, въ 1894 г., рѣшили было, что нигдѣ, кромѣ казенныхъ лавокъ, продаваться водка не будетъ. Однако, открыть столько лавокъ, сколько раньше было трактировъ, не успѣли. И вотъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ прежде всего ввели казенную виноторговлю, подсчитали, сколько выпито водки за годъ. Оказалось — меньше, чѣмъ пили раньше. Что же ты думаешь, братецъ ты мой, министръ то обрадовался? Какъ же! Онъ заторопился поправить дѣло. Въ 1896 г. стали казенную водку отдавать для продажи „на коммиссію“ въ тѣ же трактиры, въ съѣстныя лавки, постоялые дворы. На слѣдующій годъ подсчитали

—оказалось, водки выпито столько, сколько еще никогда не пили. Министръ и успокоился.

— А вотъ разныя общества трезвости устраиваютъ. Вѣдь, говорятъ, что это все на тѣ деньги, что за водку получаютъ?

— Ну, тутъ ужъ, братъ, чистое вранье! Съ водки вонъ 400 съ лишкомъ милліоновъ получаютъ, а на общества на эти 3 милліона отпускаютъ. А вотъ ты еще послушай, какъ правительство наше объ нашей трезвости заботится. Во многихъ селахъ крестьяне составили обществами приговоры: „мы, молъ, желаемъ, чтобы въ нашемъ селѣ не было винной лавки и просимъ объ этомъ начальство". На всѣ просьбы отвѣтъ:—„отказать! оставить безъ послѣдствій!" Нѣтъ, не объ нашей трезвости начальство хлопочетъ, а лишь бы побольше денегъ съ насъ содрать. Да что объ одномъ винѣ толковать. Вѣдь, не на немъ только казна съ насъ денежки собираетъ. И на табакъ, и на спички, и на керосинъ, и на пиво, и на сахаръ, на все особый налогъ начальство наложило. Собираетъ правительство эти подати опять же съ фабрикантовъ да купцовъ, а они, извѣстное дѣло, не изъ своего кармана ее платятъ, а все на покупателей раскладываютъ. Взять хоть сахаръ. Мы вотъ всячески надъ нимъ дрожимъ, никогда ребятишкамъ вволю погрызть не дадимъ; пьемъ то въ прикуску, а иной разъ почитай что въ приглядку; а въ чужихъ земляхъ нашимъ русскимъ сахаромъ свиней откармливаютъ. У насъ во всемъ царствѣ потребляется въ годъ сахару немногимъ болѣе 11 фунтовъ на человѣка, а въ Англіи, напримѣръ, 105 фунтовъ: почитай, вдесятеро больше! Маленечко, братъ, послаще имъ противъ нашего живется! А почему? Первое дѣло—на сахаръ акцизъ наложенъ; второе дѣло—фабриканты то сахарные промежду собой каждый годъ соглашаются, сколько выпустить съ заводовъ сахару на продажу въ Россіи. Это значитъ, чтобъ не подешевѣлъ сахаръ, чтобы не было его больно много. Вотъ они промежду себя и раскладываютъ: я пущу въ Россіи на продажу столько то пудовъ сахару, ты—столько то, а онъ—столько то. Ежели у меня, по величинѣ моего завода, больше сахару заготовляется, такъ весь излишекъ обя-

зуюсь я заграницу вывозить. И что жъ ты думаешь? Вотъ оно и выходитъ, что съ насъ фабрикантъ беретъ такой барышъ, что заграницей онъ можетъ излишекъ то сахара совсѣмъ за безцѣнокъ продать — все равно ему выгода остается! А то еще за каждый пудъ вывезеннаго заграницу сахара казна фабриканту акцизъ ворочала, да еще премію выплачивала—награду, стало, быть за усердіе! Немудрено, что на нашъ счетъ англійскія свиньи русскимъ сахаромъ облопались! Одно время такъ было: у насъ сахаръ двугривенный за фунтъ, а привезли его въ Англію — продаютъ за четыре копеечки. Пословица говоритъ — за моремъ телушка-полушка да рубль перевозу. А тутъ выходитъ какъ разъ шиворотъ на выворотъ...

— Да что ты говоришь? Вѣдь это, сущій грабежъ! Какъ же это царь то позволяетъ? Я слышалъ, что у насъ за стачку наказываютъ; а, вѣдь это нешто не стачка?

— Стачка то она стачка, да только на законномъ основаніи. Когда рабочій стачку дѣлаетъ, чтобы семья не голодала, этого у насъ не разрѣшается; а вотъ когда ихъ благородіе дворяне, либо ихъ степенства купцы стачку устраиваютъ, чтобы мошна еще сильнѣй разбухла, такъ это дѣло десятое. Само правительство раскладку нашихъ сахарозаводчиковъ на каждый годъ провѣряетъ и утверждаетъ. Поэтому и называется ихъ сговоръ не деннымъ грабежемъ, а высочайше утвержденной нормировкой. Чтобы, значитъ, цѣны въ самую норму, въ препорцію вогнать, чтобы по горло сахарныхъ заводчиковъ ублаготворить. За то у насъ есть восемнадцать сахарныхъ заводовъ, которые отъ пятнадцати до шестидесяти шести копеечекъ, на рубль каждогодно наживаютъ. Да и какъ правительству этимъ самымъ сахарнымъ заводчикамъ не пособлять? Вѣдь иные великіе князья изъ царской фамиліи въ это самое сахарное дѣло капиталы вложили. Да что тутъ толковать! До чего ни коснись, что бы тебѣ не потребовалось: съѣсть ли, выпить ли, одѣться, аль для дому что—за все про все съ тебя подать слупятъ, и слупятъ „честно“ да „благородно“, потому никто тебя къ ней не неволитъ; есть охота и достатокъ — покупай, нѣтъ — не принудятъ. А и внесешь

ты ее, самъ того не вѣдая, ровно какъ бы купецъ съ тебя за товаръ бралъ. Вотъ оттого то эта подать косвенною и прозывается, что ее у тебя не прямо изъ кармана вынимаютъ, а таково „благородно“, да незамѣтно, ровно какъ жуликъ на базарѣ у мужика мошну изъ за пазухи выуживаетъ...

— Точно, косвенная! хошь, значитъ, заплатишь, а не хошь, не заплатишь; и даешь ты ее, стало быть, не прямо въ казну, а сначала купцу... Ловко! Только — говорю я—вѣдь это одинъ близиръ, что платишь ее по желанію, а на дѣлѣ то, вѣдь, все равно выходитъ, потому безъ керосину, да безъ спичекъ, да безъ водки, да безъ табаку, да безъ чего другаго не обойдешься...

— То то же и есть! Да развѣ только это! Мало ли другихъ косвенныхъ налоговъ, что сразу то и не попримѣтишь, и не догадаешься, а при нуждѣ то хошь, не хошь, а заплатишь. Ну, хотя бы гербовый сборъ за бумагу за гербовую — этотъ видный еще, а все таки, самъ знаешь, паспортъ ли выправить, въ судъ ли прошеніе подать или еще что,—надо, вѣдь, все по формѣ сдѣлать, а, стало быть, безпремѣнно гербовую бумагу купить. А то, вотъ, теперь купцы за гильдію, за право торговли, значитъ, тоже платятъ. Ну, а съ кого все это возьмется? Все съ того же мужицкаго кармана, — вѣдь съ него же, мужика-покупателя, эти деньги купецъ выберетъ. Придетъ, къ примѣру, мужикъ въ лавку.—„Дай, молъ, Трофимычъ, фунтикъ маслица конопляннаго“. — Изволь.— А что за фунтъ то слѣдуетъ?—Столько то. — „Бога ты забылъ, что ли? за что такъ дорого? вѣдь мы же тебѣ его зимой о Миколѣ по чемъ пудъ то отдавали?“ — Было время, отдавали... Я, братъ, въ казну за гильдію сколько плачу, да земству вонъ еще сколько... вотъ оно какъ! — Иной разъ такъ себѣ думаешь: и отчего это всякая вещь подорожала, а того и не понимаешь, что ты тутъ промежду прочимъ и налогъ еще платишь. Да вотъ, къ примѣру: покупаетъ купецъ машину въ Англіи — страна такая есть. Везетъ онъ ее къ себѣ домой, а на границѣ у него пошлину таможенную въ тысячу рублей казна беретъ. Потому, за машины то подать берется отъ рубля семи гривенъ до четырехъ

рублей восьми гривенъ съ пуда, — вотъ оно какъ. Въ среднемъ то на рубль цѣны заграничнаго товара 40 копеечекъ такой пошлины накладывается. Ну, ладно. Пріѣзжаетъ эта машина въ Ярославскую губернію, начинаетъ на ней купецъ ситцы ткать, а наткавши, продаетъ ихъ люду православному. Покупаютъ ихъ ярославцы себѣ на рубахи, щеголяютъ въ нихъ, а и не знаютъ того, что они, купивши ситцы то эти, фабриканту и ту тысячу рублей заплатили, которому онъ на границѣ за машину отдалъ. Вонъ вѣдь, какъ оно выходитъ! А вотъ тебѣ еще примѣръ. Купилъ себѣ богатый мужикъ въ лавкѣ самоваръ мѣдный, а того ему не вдомекъ, что, можетъ, и за эту самую мѣдь то, какъ она еще гдѣ то въ Сибири добывалась, казна уже свое взяла. Это горною податью называется. Приходится такъ сказать, что какую бы бездѣлицу мужикъ ни покупалъ, онъ хоть что нибудь казнѣ да платитъ. Конечно, платитъ онъ тутъ по мелочи, всего какіе нибудь гроши — а по грошамъ, да по мелочамъ, смотришь — изъ мужицкаго кармана въ годъ цѣлые рубли вылѣзаютъ, а казна то многіе милліоны получаетъ. Вотъ, возьми къ примѣру: у насъ за пудъ гвоздей отдай 3 цѣлковыхъ, а нѣмецъ за тѣ же гвозди у себя платитъ рубль восемь гривенъ; полотно, за которое у насъ отдашь цѣлковый, онъ имѣетъ всего за три гривенника! Или вотъ тебѣ еще примѣръ: сосѣди ермолаевцы всѣмъ обществомъ купили молотилку, сотенную бумажку выложили; а живи они въ нѣмецкой землѣ, пришлось бы имъ всего четыре десятирублевки, а шестьдесятъ цѣлковыхъ у нихъ бы въ карманѣ осталось.

Такъ то платишь ты въ казну и за топоръ, и за лопату, и за шапку — за все платишь, ежели только ты покупаешь въ лавкѣ, а не самъ сдѣлаешь. Да хоть ты топоръ и самъ выкуешь, такъ все равно желѣзо купить долженъ, а съ желѣза тоже горную подать отдать. Одно слово: куда не кинь — все клинъ. И все это одно къ одному, братецъ ты мой, выходитъ; все это такъ пристроено, вся механика то такъ подведена, что фабрикантъ ли, значитъ, кабатчикъ-ли, купецъ ли подать заплатитъ, а все она въ концѣ то концовъ изъ мужицкаго кармана вынется.

— Ай да механика! говорю я. Только вотъ что, Степанъ; неужто ужъ господа, дворяне, да купцы, говорю, и водки то не пьютъ, и спичекъ не жгутъ, и ситцевъ не носятъ? Все же, вѣдь, и они что нибудь да платятъ?

— Какъ не платить? Платятъ, милый человѣкъ, платятъ, да только всѣ то ихъ платежи, ежели съ мужицкими сравнять, такъ сущимъ плевкомъ выходятъ. Вѣдь ты пойми, почтенный, что ежели я и богаче тебя въ десять, аль въ сто разъ, такъ отъ этого я не выпью али не съѣмъ въ десять, аль въ сто разъ больше тебя. По правдѣ то, оно, конечно, господа больше насъ пьютъ и совсѣмъ понапрасну корятъ только насъ, мужиковъ, за пьянство. Что мужикъ? Пойдетъ съ горя въ кабакъ, ну, и нарѣжется; много ли отощавшему человѣку надо, чтобы захмѣлѣть? Идетъ онъ по улицѣ да и шатается. Всѣмъ то оно и видно. Только вѣдь это съ нами въ годъ разъ, два бываетъ; ну, а господа, тѣ хоть пьяны то по улицамъ не валяются, одначе побольше нашего пьютъ. Ужъ это доподлинно извѣстно, что они однихъ заморскихъ винъ втрое больше пьютъ, чѣмъ мы водки. Да столь же, почесть, коли не больше, они еще и русскихъ виноградныхъ винъ выпиваютъ, да и простое наше хлѣбное винцо тоже, вѣдь, своимъ вниманіемъ не обходятъ. Такъ вотъ, всего то каждый господинъ али купецъ, куда больше каждаго мужика выпьетъ. Выпьетъ, потомъ еще и совѣсть имѣетъ мужика же ругать: „пьяница ты, молъ, лѣнтяй! оттого ты и бѣденъ, что пьянствуешь!“ — „Нѣтъ, баринъ, — можно ему на эту рѣчь отвѣтить, — не оттого я бѣденъ, что водку пью... Это особъ статья! Ты, вонъ, и больше меня лопаешь, да все что то не бѣднѣешь!...“

Разсмѣялись мы съ Степаномъ, да чайку прихлебнули.

— Такъ то оно такъ, Степанъ! говорю я. Только, вишь ли, самъ ты говоришь, что господинъ, да богатый человѣкъ больше мужика пьетъ... Стало, онъ больше акцизу платитъ.

— Ахъ, ты, парень, парень! Да все мужики больше богачей платятъ. Вотъ ты раскинь ка умомъ. У насъ на Руси дворянъ да купцовъ съ ихъ женами да ребятами

и десятка милліоновъ не наберется, а простого то народа за сто двадцать милліоновъ перевалило! Если каждый богачъ и больше, скажемъ, мужика вина выпьетъ, больше за него въ казну заплатятъ, такъ все таки всѣ богачи вмѣстѣ куда меньше заплатятъ, чѣмъ простой народъ. Налогъ надо съ достаткомъ мѣрить. Ежели у тебя сто рублей капитала, такъ тебѣ рублевку выкинуть — плевое дѣло, а коли у меня всего рублевка въ карманѣ лежитъ, такъ мнѣ ее отдать—чистое разореніе. А тутъ —ты самъ посуди! Нищій, у котораго въ карманѣ одна единственная копейка, покупаетъ коробку спичекъ и при этомъ уплачиваетъ полкопейки налогу, все равно какъ и богачъ, который ворочаетъ милліонами. Въ другихъ то странахъ къ тому подходятъ, чтобы подать съ дохода брать, по стольку то копеекъ съ рубля. Чѣмъ больше у тебя доходъ, тѣмъ больше и плата. Да и это тамъ еще не считаютъ за полную справедливость. Тамъ вотъ что говорятъ добрые люди: бѣдныхъ надо совсѣмъ отъ податей освободить, а чѣмъ ты ни богаче, тѣмъ больше копеекъ съ каждаго рубля у тебя брать! Тамъ податью хотятъ равнять людей, а у насъ податью бѣдняковъ въ пользу толстосумовъ обираютъ...

— Вѣрно, братъ! какъ есть вѣрно—говорю я. Опять какъ подумаешь, такъ эта косвенная подать все одно, что подушная, потому и ее безпремѣнно каждый человѣкъ платитъ... Безъ ѣды то, вѣдь, да безъ питья не обойдешься...

— Да гдѣ тамъ, братъ; какъ подушная. Нѣтъ! еще потяжеле будетъ...

Странна мнѣ показалась эта рѣчь его,—Какъ же это, говорю, ты сказалъ, что она тяжеле подушной подати будетъ?.:. Почему такъ?

— Да потому самому и есть! Понимаешь: подушныя платили за каждую ревизскую душу мужескаго пола, а водка да спички да сахаръ — это другое дѣло. Развѣ бабамъ, да малымъ ребятамъ ситцевъ не надо? Побольше, чѣмъ иному мужику покупать приходится! А, вѣдь, подушныя брали только съ ревизскихъ, да и то еще безъ бабъ. Стало быть, эта подать выходитъ тяжеле подушной...

— А и впрямь такъ! Пожалуй, что и тяжельше будетъ—говорю... Твоя правда!

— Какъ не правда, милый человѣкъ! Это все такъ, кажется, что она легка, потому что платишь ее каждый разъ, и не примѣчая даже, что платишь. А она, братъ, не легка! Да что толковать такъ то, на словахъ: это, вѣдь, сейчасъ можно и на ариѳметику прикинуть. Всего разныхъ косвенныхъ налоговъ казна беретъ 671 милліонъ рублей. Дворянъ да купцовъ, я уже тебѣ сказывалъ, наберется у насъ милліоновъ 10. Ежели даже считать, что каждый изъ нихъ платитъ въ казну втрое больше косвенныхъ налоговъ противъ рабочаго человѣка, то на ихъ долю придется 156 м. а на долю рабочаго люда 515 мил. А это значитъ, что каждый человѣкъ долженъ заплатить больше 4 руб. въ годъ этого налога. А ежели положить, что въ каждой семьѣ 6 челов., такъ вѣдь выйдетъ, что каждой семьѣ придется въ годъ четвертную бумажку выложить!

— Ахъ ты, сдѣлай милость! Вотъ какъ! одно удивленья — платишь и не знаешь, что платишь... А расчетъ то, вѣдь, вѣрный, какъ на счетахъ,—говорю я...

— Да гдѣ вѣрный! говоритъ Степанъ. Мало! Мы барамъ такъ много всего клали, что ежели бъ они столько ѣли да пили — такъ давно бы лопнули, да все пьяны бы валялись... Я тебѣ скажу, что этотъ расчетъ божескій; а по совѣсти, такъ мужикъ еще больше платитъ. Повѣрь!

— Ай, ай!—говорю... Диковиннѣе всего, что платишь и не видишь...

— Да, — говоритъ Степанъ, — вотъ такъ то мы, мужики, сколько только ни платимъ, а все на судьбу свою не жалуемся. А вотъ на богачей, на тѣхъ копейку какую наложи, такъ они во все горло заорутъ, что ихъ грабятъ среди бѣлаго дня.

— Одначе, братъ, — говорю я — эти баре такое разное ѣдятъ, чего мужику, кажись, и въ раю ѣсть не придется... Да вотъ хоть бы, къ примѣру, кофей, да шеколадъ, да сласть разная французская, да вина заморскія. Вѣдь все это изъ за моря идетъ. Ужели же казна все это даромъ пропускаетъ? Вѣдь, ежели съ мужика за спи-

чки да за водку акцизъ брать, такъ баръ то ужъ и подавно слѣдовало бы хоть маненечко за всѣ эти сласти пощупать!

— Какъ не щупать, — говоритъ, — по малости ихъ тоже щупаютъ. Нельзя же совсѣмъ безъ этого. Да и то сказать: вѣдь, казна себѣ не врагъ, и гдѣ что можно взять—небось, не прозѣваетъ. Она, братъ, и съ мертваго сдеретъ, ничего не проститъ. Хоть съ того свѣта подавай. Только, братъ, хоть она тутъ и съ баръ тоже наровитъ взять, да съ нихъ то не больно поживишься. Это можно сейчасъ на счетахъ показать, потому что деньги на границѣ по счету берутъ, и всѣ онѣ въ книги записаны и доподлинно извѣстны. Такъ вотъ со всего то заморскаго товара казна беретъ таможенной пошлины 92 милліона. И изо всѣхъ этихъ милліоновъ самая, что ни на есть крупная, часть берется все съ такого товара, что мужику потребенъ, а потому онъ за него и платитъ! Тутъ привозятъ изъ за границы все больше машины, что православному люду на рубахи да на платья ситцы ткутъ, да рельсы для чугунки, да косы, да серпы, да топоры да инструментъ разный, да краски, ну, одно слово, все такой товаръ, что его мужикъ или самъ купитъ, или черезъ кого нибудь изъ своего же кармана заплатитъ. Ежели посчитать, что за барскіе товары казна получаетъ, скажемъ, къ примѣру, за сладкія вина, за шампанское вино, за сласти, да за фрукты французскіе, за кофей, за матеріи барскія, шелковыя да бархатныя—если посчитать все это — такъ противъ мужицкаго то взноса и совсѣмъ плевое дѣло придется. А дворяне да купцы еще все кричатъ, что высоки, молъ, пошлины на заморскій товаръ, намъ потребный. Ахъ вы, господа богачи! И тутъ вамъ во всемъ противъ мужика снисхожденіе! Вотъ ты возьми хоть чай. Есть тебѣ простые сорта и есть дорогіе. Дешевый то чай есть въ 40 коп. фунтъ безъ пошлины, а съ пошлиной то онъ втрое дороже — рубль съ двугривеннымъ! А возьми теперь дорогой чай, барскій, въ четыре рубля двадцать копеекъ. Думаешь, его то пошлиной тоже удорожатъ втрое или вчетверо? Какъ бы не такъ! И одной пятой части цѣны на него не накинутъ! Такъ же и съ табакомъ. На махоркѣ, да

на низшихъ сортахъ акцизъ составляетъ третью часть цѣны, а на барскомъ табакѣ трехрублевомъ, онъ всего на всего составляетъ четвертую часть; а на пятирублевомъ, какой богачи курятъ, акцизъ и пятой части цѣны не составитъ!

— Вижу—говорю—вездѣ бѣлой кости супротивъ черной кости облегченіе!

— Эхъ, парень, парень! — говоритъ Степанъ. А ты вотъ о чемъ подумай. Что толковать, что они въ казну платятъ? Ты спроси ка у нихъ, что они робятъ? Развѣ когда самъ дворянинъ хоть одну десятину вспахалъ? Все, вѣдь, наши руки крестьянскія сдѣлали. Мы и дома, и палаты каменныя, и церкви златоглавыя построили, мы купцу и матеріи на фабрикѣ соткали, мы ему и хлѣбъ въ амбаръ ссыпали; съ насъ же они и подати дерутъ, на которыя всѣ дармоѣды живутъ. Мы—все! Все нами держится. Мы всѣхъ поимъ, кормимъ и одѣваемъ. Всѣ нашими трудами живутъ, нашъ потъ и кровь пьютъ, да за это насъ же еще и бьютъ... А при чемъ тутъ баре да купцы? Такъ себѣ — ходятъ, да покрикиваютъ на мужика, чтобъ онъ отъ работы не отлынивалъ. Такъ что же тутъ толковать, что баре да купцы изъ своего достатка въ казну платятъ? Ничего — да и того меньше. Вѣрно слово! Потому, вѣдь, ежели они что и платятъ, съ мужика же взято да награблено,..

Замолчалъ Степанъ, а слова его точно за самое сердце меня ущемили. Подумалъ я, какъ это нашего брата то, мужика, всѣ обираютъ, бьютъ, гнушаются, помыкаютъ имъ, а онъ, богатырь, все молчитъ да молчитъ...

Долго молчали мы да про себя думу невеселую думали...

— Теперь понимаю, — сказалъ я, — какъ этимъ манеромъ насъ, простаковъ, господа да богачи надуваютъ... Такъ это вотъ какъ! Хитра же механика!...

— Эхъ, парень, — говоритъ Степанъ... Какая тамъ механика? Тутъ и механики то никакой не нужно. Дневной грабежъ. Станутъ что ли бары да чиновники стыдиться, что мужика грабятъ? Эка невидаль! Совѣсть у нихъ, братъ, барская, прожженная... Безъ росказней берутъ и бьютъ. Давай и дѣло съ концомъ... Ну, развѣ жъ

это не разбой, да не грабежъ? Пріѣзжаетъ это становой аль исправникъ, за нимъ возъ розогъ. — „Недоимку подавай!“ кричитъ... — Нѣтъ денегъ, батюшка, пообожди! —„Какъ нѣтъ денегъ? Пороть!...“ Ну, и давай ревизовать у мужика то мѣсто, откуда у него ноги ростутъ. Ну, скажи на милость, на что же это похоже? Вѣдь, такимъ манеромъ ежели бъ въ село и душегубъ какой пріѣхалъ, да силу бы имѣлъ перепороть всѣхъ, такъ и ему все бы отдали... На—возьми, уйди только, Христа ради! Ну, и отдашь все, а самъ, какъ знаешь, проживай, хоть кору березовую жри съ тѣхъ розогъ, которыми тебя вчера пороли... Ахъ ты, горе, горе! Какъ вспомнишь иной разъ — злость тебя беретъ, слеза прошибаетъ... Дьяволы!... А не отдай ка послѣдній грошъ — сейчасъ твой скотъ продадутъ. Кулаки то ужъ тутъ въ сторонкѣ поджидаютъ да озираются, чего бы за безцѣнокъ купить можно было... Иной разъ, вѣдь, такъ и сговорятся эти кровопійцы то съ волостнымъ, да съ исправникомъ, чтобы въ крутое время міръ поприжать, да потомъ барыши пополамъ... Такъ то оно все!... Ну, теперь продадутъ скотину, такъ чѣмъ же по веснѣ землю вспахать?... Раззоръ... Одно слово—налетитъ и разоритъ, какъ разбойникъ какой. Ну, а скажи, за что, за какія провинности, примѣрно, съ насъ выкупныя да разныя поземельныя подати берутъ? Дали намъ волю, а землю приказали у помѣщиковъ выкупать, а помѣщики сами, что ли, землю то дѣлали? Какіе такіе труды они въ землю положили, чтобы за землю деньги съ насъ брать? Небось, своимъ потомъ мы ее поливали, споконъ вѣку на ней работали, ее матушку холили; а теперь на поди — выкупай ее. Помѣщики знать не знаютъ никакихъ выкупныхъ платежей, а мы — плати. Да ужъ и сколько же лѣтъ мы ихъ платимъ, а все еще не выплатили. Коли посчитать, такъ мы раза въ три больше выплатили, чѣмъ земля стоитъ, а съ насъ все берутъ, благо мужикъ въ разсчетахъ не силенъ да смиренъ, что ни спросятъ — все платитъ. Да объ этомъ что говорить то! Самъ, чай, вѣдаешь, сколько платежей всякихъ. Али сказывать, сколько рублей платить тебѣ приходится? Небось, — знаешь! Съ души у тебя эти рубли то вырвутъ, крова-

выми полосками эта цифирь на шкурѣ на твоей мужицкой прописывается... Мудрено забыть! Эхъ ма! эхъ вы, господа богачи да цари; глаза то у васъ жадные, завидущіе... Все то вы себѣ забрали, — и землю, и воду, и избу то нашу, да и солнышко то ясное! За все вамъ платить приказываете...

— Такъ, такъ, Степанъ Ивановичъ; тяжела и эта подать... И много этимъ манеромъ казна получаетъ?

— Малость... 86 милліоновъ выкупныхъ платежей, да разныхъ другихъ налоговъ, кромѣ косвенныхъ, еще 130 милліоновъ—вотъ сколько! А называется вся та подать прямою, потому, значитъ, что грабятъ съ тебя не косвенно, а прямо, безъ подвоховъ, безъ хитрости безо всякой. Давай, стало быть, да и все тутъ:...

— Точно, сказалъ я подумавши, много разоренія дѣлаетъ мужику этотъ прямой грабежъ, то, бишь, прямой налогъ...

— Да что толковать, говоритъ, не то что много, а скоро, почитай, всѣ совсѣмъ по міру пойдемъ. Никогда ничего въ свое время не продашь, а приходится продавать все за безцѣнокъ, лишь бы отъ розогъ откупиться. А кулаки да скупщики, какъ ястреба, такъ и глядятъ, какъ бы тебя захватить да заклевать. По осени за грошъ продашь, а по веснѣ у того же кулака въ три-дорога выкупишь. Вотъ тутъ и богатѣй! А то, не дай богъ, займешь, — всю жизнь не отплатишься, три шкуры съ тебя помѣщикъ аль кулакъ сдеретъ... А тутъ скотину продали... Земли то, самъ знаешь, много ли въ надѣлъ дали, да и на нее то, на кормилицу, глядѣть не хочется... Вся она ужъ выпахана — и сѣмянъ то не родитъ. Сдобрить то, засѣять — нечѣмъ, — вотъ тебѣ и разоренье. Броситъ горемыка и землю, и избу, и бабу съ ребятами, да и пойдетъ, куда глаза глядятъ... А тутъ ему передъ глазами подрядчикъ, какъ чертъ какой, задаткомъ манитъ... Возьметъ онъ задатокъ, заплатитъ подати и пошелъ на заработки въ городъ на фабрики. Поминай, значитъ, какъ звали! Подрядчикъ ему глаза протретъ — будетъ знать, гдѣ Кузькина мать живетъ! Слава богу, если черезъ годъ домой живъ вернется. А съ собой то въ домъ только блохъ да вшей и прине-

сеть. Чистый раззоръ! И выходитъ, стало быть, что отъ этого прямого грабежа только кулаки да подрядчики и разживаются, а бѣдняки все болѣ да болѣ бѣднѣютъ...

— Ну, а теперь глянемъ ка братъ, хоть однимъ глазкомъ, куда же всѣ эти денежки наши идутъ? Въ чьи карманы наши кровные гроши ползутъ?

Каждогодно, вишь ты, казна росписаніе дѣлаетъ, какъ и куда она всѣ деньги дѣваетъ. Отчетъ этотъ государственной росписью прозывается и завсегда въ газетахъ пропечатывается; вотъ оттуда все и видать, какъ я тебѣ это сейчасъ разскажу. Ну, ладно! Перво на перво царю съ семьей 12 мил. 800 тыс. цѣлковыхъ каждогодно отпускается. Смекаешь, каково жалованьице то? Вѣдь, это, почитай, по 35 тысячъ рублей на день выходитъ! На такой доходъ, вѣдь, съ полъ губерніи круглый годъ прокормить можно! въ нынѣшнемъ вонъ году у насъ въ 33 губ. неурожай былъ, 40 милліоновъ мужиковъ голодали, такъ имъ на полгода 22 мил. рублей отпустили изъ казны, а царю въ тѣ же полгода 6 съ половиной мил. на прожитокъ дали. Денежки изрядныя! — Только, братъ, чѣмъ же онъ намъ за это добро отплачиваетъ? что онъ на деньги на эти выдѣлываетъ? А вотъ что. Тѣшитъ онъ себя охотами, празниками да пиры устраиваетъ, ѣстъ, пьетъ, веселится, да въ каменныхъ палатахъ поживаетъ. Народу онъ нонче рѣдко показывается, потому, говорятъ, боится. Да и есть чего! Ну, такъ спросимъ же его теперича, какимъ онъ добромъ намъ платитъ за эти кровные наши 12 милліоновъ? Насажалъ намъ всякаго начальства на шею изъ дворянъ да помѣщиковъ — земскихъ, становыхъ, исправниковъ, тѣснятъ они насъ, вздохнуть свободно не даютъ; волю имъ дали мудровать надъ нами, мужиками, какъ ихъ душенькѣ угодно; почище прежнихъ помѣщиковъ иной надъ нами измывается, и нѣтъ на него ни суда, ни управы. А малоземелье, холодъ да голодъ въ дугу насъ гнутъ, въ три кнута гонятъ въ кабалу къ кулаку-міроѣду или къ сосѣду-помѣщику. Пробуетъ мужикъ отъ этой неволи изъ своего села въ городъ на фабрики да на заводы бѣжать — да и тамъ не легче; и тамъ, хоть работай онъ до кроваваго пота,—спасибо скажи, коли съ голоду не подохнешь. А

все иной мужикъ ждетъ, все на царя-батюшку надѣется, авось онъ, кормилецъ, про него вспомнитъ; все иной разъ думается мужику—помѣщики да дворяне его горю причина, а узнаетъ царь — ему, мужику, поможетъ. Ждетъ — пождетъ, а облегченья отъ царя все не выходитъ. А чего ждать то? Развѣ самъ то царь не помѣщикъ, не баринъ, да не фабрикантъ? У него вѣдь при крѣпостномъ то правѣ тоже свои крестьяне были, что нынѣ удѣльными прозываются. Что жъ онъ, можетъ, имъ то ужъ, своимъ крестьянамъ, при освобожденіи, настоящую, чистую волю далъ? Держи карманъ шире! Онъ имъ такую же свободу прописалъ, какъ и всѣ помѣщики, потому что и самъ то онъ такой же помѣщикъ, только покрупнѣе другихъ. А развѣ нѣтъ у него своихъ фабрикъ да заводовъ? Что жъ, можетъ, тамъ вольготно рабочему? А поди ка, спроси; еще хуже, чѣмъ у другого хозяина — вотъ какъ! Такъ чего же мы ждали и ждемъ отъ царя, отъ самаго первѣйшаго помѣщика, да отъ самаго богатѣйшаго фабриканта? И по дѣломъ намъ, дуракамъ. Не на кого намъ надѣятся — самъ на себя надѣйся!

— Да что ты — говорю — говорю — Степанъ? Ужели таки царь — фабрикантъ? Ужели онъ такимъ дѣломъ пачкаться станетъ?

Только ужъ Степанъ такъ разошелся, что и договорить мнѣ не далъ; такъ и валитъ, такъ и валитъ.

— О-го-го! да еще какой! Поди-ка на его стеклянные да фарфоровые заводы, на его золотые рудники богатѣйшіе! Тамъ увидишь, какъ онъ съ нашего брата, фабричнаго, наживается. Да это еще что! Ему мало, что онъ можетъ насъ грабить, сколько душѣ угодно. Онъ закабалилъ на грабежъ и дѣтей, и внуковъ нашихъ: своимъ бахвальствомъ да затѣями сдѣлалъ государству долгъ неоплатный... Теперь однихъ процентовъ на этотъ долгъ государственный 286 милліоновъ выплачивается. Ничего? И весь этотъ долгъ наши батюшки-цари на шею намъ накачали либо на военныя приготовленія, либо на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Примѣрно, чтобы нашимъ купцамъ да фабрикантамъ легче было съ Китаемъ торговать, въ Манджуріи

деньгу зашибать, царь тамъ не мало солдатъ уложилъ, черезъ всю Сибирь желѣзную дорогу провели, все на наши мужицкія денежки. А понимаешь ты, сколько всего долга за эти царскія затѣи на нашей шеѣ сидитъ? Страшно выговорить: шесть съ половиной тысячъ милліоновъ рублей! Это и знающему человѣку написать трудно, а сообразить и того труднѣе,—такъ оно много! Тутъ, братъ, ежели бъ казна каждый годъ отдавала все, что собираетъ съ Руси, такъ и то въ три года не расплатиться. А ежели бъ захотѣлъ царь весь тотъ долгъ сразу заплатить, такъ пришлось бы каждому жителю, сверхъ всѣхъ прочихъ налоговъ и податей, безъ малаго 50 рублей отдать, а семьѣ человѣкъ въ 6 надо бы 300 рублей выплатить! Такъ-то мы всю жизнь должниками и остаемся, да каждый годъ не меньше восьми рублей съ семьи будемъ давать, чтобъ только одни процентики выплачивать. Тутъ, братъ, чистая прорва! За царскую честь да спѣсь да купецкую прибыль будемъ и мы, и дѣти наши, и внуки, и правнуки расплачиваться!

— Оказія! говорю. Ужли жъ такъ много? А сколько бы это такъ на глазъ денегъ было?

— Сколько? Да вотъ слушай! Я намедни еще на дому у себя этотъ разсчетъ прикидывалъ. Къ примѣру, скажемъ, пусть весь этотъ долгъ будетъ въ серебряныхъ рубляхъ. Ну, и пусть всѣ эти 6.500 милліоновъ государственнаго-то долга вотъ такими рублевиками собраны. Какъ думаешь, сколько во всемъ этомъ капиталѣ вѣсу будетъ? Вотъ въ календарѣ у меня пропечатано, что тысяча серебряныхъ рублей тянетъ безъ малаго 1 пудъ 11 фунтовъ. Я вотъ и прикинулъ, что же всѣ то эти деньги вѣсить будутъ; ну, у меня такая тяжесть вышла, что и подумать страшно — восемь милліоновъ триста тысячъ (8.300.000) пудовъ! Это коли нагрузить всѣ тѣ деньги въ вагоны, по 500 пудовъ каждый, такъ потребуется шестнадцать тысячъ шестьсотъ (16.600) вагоновъ. А если бы всѣ эти вагоны выстроить по чугункѣ въ рядъ, такъ вытянулся бы хвостъ въ 100 слишкомъ верстъ. Ну, восчувствовалъ ли ты, Андрей, хоть малость, каковъ нашъ россійскій государственный долгъ?

— Господи ты, боже мой! Да мнѣ бы этого и во снѣ не приснилось, говорю я. Одначе, кому же эти 286 милліоновъ процентовъ выплачиваются? Ужли есть такіе богачи, что могли столь много денегъ царю дать взаймы?

Простакъ, братъ, ты, какъ я погляжу — говоритъ. Конечно, такого богача на свѣтѣ нѣтъ. Это вотъ какъ дѣлается. Надѣлаетъ царь бумажекъ, только не такихъ, что замѣсто денегъ ходятъ, а эдакихъ особенныхъ, гдѣ прописано: „Заемъ казны“, а цѣна той бумажки назначается скажемъ, 100 рублей, хоть самой-то казнѣ она всего грошъ стоитъ. Ну, теперь кто эту бумажку на деньги купитъ, тому казна ежегодно рубля по 4 процента и платитъ. А покупаютъ ихъ купцы, дворяне, богачи, и они-то, значитъ, ничего не дѣлая, знай себѣ отъ казны процентики получаютъ. Эдакимъ-то манеромъ мы всѣхъ богачей кормимъ процентами, да не только своихъ, а и заморскихъ.

— Ну, спасибо, — говорю — Степанъ; теперь понялъ. Такъ вотъ какъ оно!... А скажи, правду ли слыхалъ я, что у казны много денегъ на солдатъ идетъ?

— Да четвертая часть говоритъ — всего дохода: 420 милліоновъ, — вотъ сколько! Это однихъ обычныхъ расходовъ. Да вотъ на Китайскую войну въ два года потратили еще около сотни милліоновъ. Эхъ, солдатики солдатики! сколько вы хлѣба мужицкаго ѣдите, а и чѣмъ за него платите... Ой ты. царь-батюшка! Мало тебѣ, что ты съ мужика податью выбираешь! Выдумалъ ты еще одну да и самую злую подать — рекрутчину. Это ужъ онъ не деньги съ насъ беретъ; нѣтъ, эта подать кровью да мясомъ мужицкимъ собирается. Тутъ ужъ не надо ему денегъ, — тутъ подавай ему сыновей да братьевъ нашихъ. А сколько слезъ-то изъза этого на Руси проливается! Въ однѣхъ потаенныхъ дѣвичьихъ да горькихъ материнскихъ можно-бъ всѣхъ вельможъ съ царемъ выкупать! А въ этихъ подневольныхъ отцовскихъ, что капаютъ изъ глазъ стариковъ... Э-эхъ — ма! у меня вотъ тоже братъ въ солдатахъ. Прежде то и ничего парень былъ, а нонѣ и не гляди? Портитъ ихъ царь съ командирами. Держатъ ихъ въ казармахъ. чтобы мужика не видѣли, да сердце себѣ

ожесточали; оттого-то какъ выпустятъ ихъ изъ клѣтки вымуштрованныхъ, такъ они и отца и мать, не моргнувши, зарѣзать готовы. Я говоритъ — царевъ слуга, и за царя готовъ жизнь отдать, а ты, мужикъ, — говоритъ, — дуракъ, вотъ, что! — Ахъ ты, звѣрь лютый? Забылъ что ли, кто тебя поитъ да кормитъ, дармоѣда? кто твой отецъ, да мать, да братъ? — тяжело, братъ, подумать, какъ это царь да дворяне такъ умѣютъ нашего брата испортить, что въ немъ и человѣческаго подобія не найдешь, что готовъ онъ своего кормильца мужика, и отца, и мать зарѣзать, и рука у него не дрогнетъ. Да, тяжело, братъ, какъ вникнешь-то, что мы этакъ сами себя рѣжемъ, грабимъ, бьемъ, все для того, чтобы нашимъ врагамъ и наши деньги, и нашихъ дѣтей отдавать!... Ну, да подожди; придетъ пора, возмемся и мы за умъ...

Степанъ помолчалъ, да не утерпѣлъ.

—Куда же всѣ остальныя деньги изъ казны идутъ? спросишь ты. Тутъ ужъ, братъ, опосля царя съ солдатами все мелкое воронье налетаетъ ту добычу награбленную расклевывать: все сѣдые сенаторы, да министры, да вельможи, да генералы важные. Потомъ 5 милліоновъ послы наши иностранные на бражничество да на пиры забираютъ; 93 милліона идетъ на жалованье губернаторамъ, исправникамъ да становымъ; 47 милліоновъ стоятъ намъ суды, въ которыхъ мужику правды не добиться; 36 милл. идутъ на школы разныя, все больше на гимназіи, на корпуса да университеты, — знаешь, такія набольшія школы, — гдѣ только господа, да купцы дѣтей своихъ обучаютъ; 170 милліоновъ на желѣзныя дороги, отъ которыхъ подрядчики да строители наживаются; а сколько еще на пенсіи старикамъ-генераламъ, да старушонкамъ-вельможамъ, дармоѣдамъ да царскимъ блюдолизамъ отпускается! За царемъ говорятъ, служба не пропадаетъ; это только за міромъ, за народомъ она не выгодна: того и гляди — по Владиміркѣ угодишь. Да, такъ-то! Вишь-ты, какъ на наши деньги царь съ господами-богачами орудуетъ? И сыновей своихъ учатъ, и пьютъ, и ѣдятъ, старую рухлядь царскихъ слугъ сберегаютъ, и исправниковъ съ

губернаторами кормятъ, и корабли съ чугунками строятъ, и все, что хошь для своего удовольствія дѣлаютъ. — Одно слово, нашими денежками, какъ своими собственными, распоряжаются.

— Да ужъ именно какъ своими! — говорю. Ну, а что-же, скажи, изъ всего этого мужику достается?

— Мужику? Ну, куда же ему съ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ! Его дѣло — платить, а его ли ума дѣло промежъ барами соваться, гдѣ его денежки прокучиваютъ... Будь и тому радъ, что твои денежки берутъ, что на нихъ и царь, и дворяне-господа, и купцы, и попы сытно ѣдятъ, да въ волю пьютъ!

Ну, а можетъ, хоть что же нибудь на чужомъ-то пиру и перепадетъ — вставилъ я отъ себя словечко.

— Что нибудь! — огрызнулся на это Степанъ. Да вотъ всего-то только и есть, что выкинули въ нынѣшнемъ году 20 милліоновъ на крестьянъ голодающихъ, да изъ тѣхъ денегъ, которыя на школы назначены, кое-что на народныя, сельскія училища перепадаетъ. Небось, немного — не облопаешься! На царя — 12 слишкомъ милл., на солдатъ и матросовъ — 420 милл., а на всѣ школы — 36. Да и то большая то часть этихъ денегъ идетъ на такія школы, которыя нашему брату, мужику, какъ своихъ ушей не видать! Хочешь знать въ точности, сколько на наши мужицкія школы изъ царской казны отпускается? Всего на всего 3 милліона рублей! 3 милл. рублей на 100 милліоновъ мужиковъ: въ обрѣзъ по три копѣйки въ годъ на брата: „примите ,Христа ради, бѣдные мужички, говоритъ царь, по трешнику мѣдному: будетъ съ васъ, а не то избалуетесь!“ Вѣдь это курамъ на смѣхъ: научиться уму-разуму на 3 копѣйки въ годъ! Вотъ такъ удружилъ намъ родименькій бѣлый царь! Ну, да вѣдь по царскому, да по дворянскому разсчету оно такъ и слѣдуетъ. А то, вишь, выучится мужикъ, захочетъ своимъ умомъ жить, да еще — сохрани богъ — объ правдѣ задумается! Его, братъ, косолапаго, въ черномъ тѣлѣ да въ покорности держать надо, а то неровенъ часъ... Хе-хе-хе! тряхнетъ пожалуй...

Пріумолкли мы.

— Такъ то, братъ, такъ то! — говорилъ Степанъ, призадумавшись. — Работаешь ты — съ руки мозоли не сходятъ; всю жизнь радости не видишь; дерутъ тебя — на Руси березъ не хватаетъ; плачешь ты въ нуждѣ, ночей не досыпаешь, куска не доѣдаешь, бьешься, какъ рыба объ ледъ, а все изъ чего? Чтобы подати внести. А для кого? за что? На нихъ баре, да чиновники живутъ, царь пьетъ, гуляетъ, купцы кулаки наживаются, войско полицію, да жандармовъ содержатъ, чтобы насъ же, за нашу хлѣбъ-соль, да нашею же рукою бить, да нашу кровь съ потомъ пить... Эхъ ты, горькая жизнь крестьянская! или никогда ты и радостна не будешь?... Таково-то братъ, не весело. Что-жъ, пойдемъ!

Поднялись мы, побрали шапки и вышли. Тяжело было на сердцѣ. Темныя, нерадостныя мысли въ головѣ бродили.

— Что пріунылъ, соколикъ! отозвался Степанъ. Небось горько! то-то братъ... Эхъ! Да подожди, проснется народъ, да скинетъ съ плечъ своихъ выносливыхъ этихъ піявицъ-баръ да кулаковъ и заживетъ тогда весело да припѣваючи. Только помни, Андрей, чтобы богатыхъ тогда не было, потому — заруби себѣ на память — что это вездѣ такъ было и будетъ, что кто богатъ, да силенъ, тотъ отъ податей всегда будетъ льготенъ, всю ту тяжесть на бѣдныхъ наложитъ. Помни это!

II

Много я раздумывалъ надъ Степановыми рѣчами. Что плохо живется рабочему люду, я допрежъ того зналъ. Теперь понялъ, отчего скверно намъ живется; царь да богачи власть во всемъ имѣютъ и такую хитрую механику подвели, что всѣ мы и сами того не замѣчали, а на нихъ работаемъ: всѣ труды наши въ ихъ карманъ текутъ. А вотъ какъ горю помочь, никакъ не могъ придумать, какъ умомъ не раскидывалъ. Улучилъ я времячко и опять со Степаномъ разговоръ завелъ. Такъ молъ и такъ, не придумаю я, какъ намъ

быть, чтобы отъ хитрой механики, что насъ обираетъ, избавиться.

— А придумать это не такъ ужъ мудрено, коли знаешь, гдѣ всему злу корень, говоритъ Степанъ. Сейчасъ всѣмъ распоряжаются богачи, они и законы пишутъ, и всѣмъ заправляютъ. Конечно, никто себѣ не врагъ, потому и законы всѣ не въ нашу пользу. Надо, значитъ, того добиваться, чтобы безъ воли народной никто не смѣлъ писать законовъ, накладывать податей или налоговъ. Законы должны быть для всѣхъ равные, а не то что теперь — для дворянъ всякія льготы, а намъ стѣсненія разныя. А это будетъ тогда, когда законы будутъ писать не самовластные чиновники, а выборные отъ всего народа. Выберутъ всѣ своихъ депутатовъ, съѣдутся они на Земскій Соборъ и будутъ рѣшать всѣ важныя дѣла. А сельскія, волостныя и городскія дѣла будутъ рѣшать сами по себѣ сельскіе, волостные и городскіе сходы. Чиновники и судьи всякіе также должны быть выбраны народомъ. И всѣ они должны быть выбраны народомъ. И всѣ они должны быть у народа на отчетѣ. Понравился какой начальникъ, его на новый срокъ выберутъ; не понравился— дадутъ ему по шапкѣ. Ужъ отъ этого одного и то бы нашему брату, рабочему человѣку, полегчало...

— Твоими бы устами медъ пить, — говорю я. Оно, конечно, разница здѣсь большая. Одно дѣло, когда чиновникъ надъ тобой начальство, другое дѣло — когда онъ у міра, у общества вродѣ какъ прикащикъ нанятой. Только, думается мнѣ, это еще только полъ-дѣла. Положимъ, скажемъ такъ, царю и чиновникамъ мы руки укоротили, посадили ихъ подъ начало народное, на отчетъ. Все же еще кулаки да помѣщики да купцы остаются, могутъ еще надъ нами насиліе взять. Самъ же ты сказывалъ: „кто богатъ да силенъ, тотъ отъ податей всегда будетъ льготенъ.“

— И объ этомъ, братъ, умные люди подумали, какъ быть? Перво на перво, когда законы будутъ другіе, когда народъ будетъ самъ управляться, не такъ то легко будетъ кулакамъ забрать власть. Такъ своевольничать, какъ теперь, никогда имъ не позволятъ, най-

дутъ на нихъ управу. Рабочему люду жить станетъ куда легче, податей будетъ поменьше да и тратить безъ разуму народныя денежки никто не посмѣетъ. Но правда твоя, поколь будутъ богатые и бѣдные, пока будетъ одинъ человѣкъ, какъ рабъ работать на другого, а другой будетъ только нѣжиться да бездѣльничать, настоящаго равненія между людьми не будетъ ; не будетъ подлиннаго счастія на землѣ.

Чтобы всѣмъ людямъ равно хорошо жилось, надо такіе порядки завести, чтобы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ не было, да чтобы проявиться-то они не могли. Откуда бѣдность, откуда богатство? Оттого, что теперь одинъ человѣкъ можетъ завладѣть тѣмъ, безъ чего всему народу жить нельзя. Возьмемъ для примѣра, землю. Безъ земли куда дѣваться? Кажись, должна бы быть земля общей нашей матерью-кормилицей, всѣмъ на пользу; а теперь вонъ какой нибудь десятокъ богатѣйшихъ помѣщиковъ считаетъ въ своей собственности столько земли, что на ней могли бы разселиться многія тысячи народу. За то рядомъ безземельными бобылями множество мужиковъ маются, либо бредутъ въ Сибирь новыхъ мѣстъ искать, либо закабаляются въ батраки къ этимъ самымъ помѣщикамъ. Въ деревнѣ нашего брата землей тѣснятъ, въ городѣ — фабрикой. Тамъ тоже не мало нашего брата, рабочихъ, налегкѣ похаживаютъ: руки здоровыя, работать охота, да по нынѣшнему времени какое дѣло ни возьми — голыми руками не много наработаешь. Теперь вездѣ пошла въ ходъ машина: съ ней заготовка всякого товара идетъ ходчѣе и быстрѣе, противъ машинной работы ручная работа никогда не устоитъ. Только, братъ, машина то хоть и хорошая штука, да только припомнишь поговорку: хороша Маша, да не наша! Какъ земля разобрана по рукамъ, въ вѣчное владѣніе, такъ и фабрики, и машины, и дороги желѣзныя. Смекнулъ теперь, къ чему я рѣчь веду? Всѣ богатства земныя, все создано трудомъ человѣческимъ; не даромъ говорится, что безъ труда нѣтъ плода. Только нужно, чтобъ трудъ-то человѣческій было къ чему приложить. Нужна земля — это первое; нужны инструменты, машины, приспособленія всякія, и чѣмъ

дальше, тѣмъ больше — это второе. Попробуй теперь оставить все такъ, какъ есть: земли, фабрики, заводы — словомъ, все, безъ чего трудъ человѣческій безплоденъ — можно отдѣльному человѣку пріобрѣтать въ въ свое вѣчное владѣніе. Что выйдетъ? А выйдетъ то, что кто половчѣе да поизворотливѣе, всякими правдами и неправдами накопитъ въ своихъ рукахъ машинъ, денегъ, земель, да и начнетъ съ помощью этого своего капитала другихъ закабалять. Ему ужъ самому-то работать не нужно: зачѣмъ ему? У него ужъ теперь деньга деньгу родитъ. Онъ припускаетъ къ своей землѣ да къ своему капиталу безземельныхъ да раззорившихся мужиковъ — грѣхъ да бѣда на кого не живетъ — да такъ то за чужимъ горбомъ и живетъ всласть, въ свое удовольствіе. Вотъ тутъ она, всей злой барской механикѣ главная корень-причина. Земли, да фабрики, да машины — словомъ, все то, безъ чего нельзя трудиться, нельзя работать — несправедливо отдавать въ руки отдѣльнымъ людямъ. Этимъ отдается имъ въ руки полная власть чужими руками жаръ загребать. А коли мы хотимъ по совѣсти устроиться, по правдѣ да по справедливости, такъ это все должно быть — общее: земля должна быть ни твоя, ни моя, а общая, всѣмъ на пользу; по согласію, по справедливости, да по равненію и пользоваться отъ нея всѣмъ. Фабрики, да заводы — что бы были не хозяйскія, а самихъ рабочихъ. Большія заведенія, желѣзныя дороги, рудники, пароходы — это чтобы принадлежало всему народу и чтобы черезъ особыхъ выборныхъ завѣдывалъ этими дѣлами весь народъ. Теперь отъ нашего труда всѣ эти купцы, желѣзнодорожники, фабриканты, помѣщики прибыль, барышъ имѣютъ. А что такое барышъ? Это наши потъ и кровь. Уничтожимъ это самое частное владѣніе, частную собственность, замѣнимъ ее общимъ владѣніемъ — и пойдетъ къ чорту всякій барышъ, а останется только общій трудъ на общую пользу...

Такъ говорилъ Степанъ; даже раскраснѣлся весь, все хочетъ мнѣ какъ нибудь появственнѣе это дѣло растолковать. А я слушаю — боюсь словечко мимо ушей пропустить. Вижу, что здѣсь самая суть всей

правды-справедливости сокрыта... И чувствуется мнѣ, будто до тѣхъ поръ ровно какая то завѣса черная закрывала мои глаза, и начинаетъ мнѣ эту завѣсу Степанъ приподымать...

— Погоди, говорю, погоди немного... Дай мнѣ хорошенько мозгами поворочать, раскусить да разжевать хорошенько все, что ты мнѣ сказалъ... Когда, братъ, изъ темноты сразу на дневной свѣтъ выйдешь, такъ всегда глаза слѣпитъ, сразу и не оглядишься... Дай срокъ съ мыслями пособраться!...

— На то — говоритъ Степанъ, и началъ я съ тобой объ этомъ дѣлѣ толковать, что вижу: есть у тебя своя голова на плечахъ. А коли человѣкъ съ разумомъ, такъ ему нужно только дорогу показать: самъ дальше своимъ умомъ доберется. Прощай покуда; надумаешься о чемъ нибудь, опять заходи, по душамъ съ тобой потолкуемъ.

Ушелъ я отъ Степана, словно шальной. Думъ въ головѣ — словно пчелиный рой. Одна дума другую перегоняетъ... Всю ночь не спалъ, только къ утру заснулъ. На другой день хожу, чувствую, словно какой то новый человѣкъ во мнѣ родился. Или словно бы вывелъ меня кто то на высокую гору, и сталъ я далече видѣть... Широко-далеко вольный свѣтъ растилается, только вдали, какъ въ туманѣ, невѣдомыя земли лежатъ...

И думалось мнѣ: да, должна быть правда на землѣ. Не все же кривдѣ чадъ нами царить, не все же опутывать насъ, мужиковъ, своей хитрой механикой. Да и бѣда наша была, что мы своихъ думъ до конца не додумывали. Владѣемъ, къ примѣру, своей землей всѣмъ міромъ, стараемся. какъ по справедливости, никому не въ обиду ей пользоваться; а того и не думаемъ, что всему бы русскому народу надо такой же міръ составить, и свою и всю помѣщичью землю въ общее уравнительное владѣніе пустить... Или, къ примѣру, завели мы общественную мельницу, общественную молотилку и всѣ видимъ отъ того прямую выгоду: — то, что раньше мельникъ да помѣщикъ съ насъ въ свою пользу брали,

теперь на мірскія нужды пошло. А того и не вдомекъ, что по всей землѣ такъ же надо бы и дороги желѣзныя, и руды золотыя и мѣдныя, и фабрики, и пароходство отобрать для общественной пользы... Или держимъ старшину на отчетѣ, учетчиковъ надъ нимъ назначаемъ, смѣняемъ его, коли нелюбъ — а тутъ же надъ всей землей позволяемъ царю съ министрами да губернаторамъ безотчетно и самовольно распоряжаться, какъ только ихъ душенькѣ угодно!

И думалось мнѣ: великое это дѣло распутать всю эту хитрую механику царскую да барскую, расшибить ее на мелкіе кусочки и развѣять по вольному вѣтру, на всѣ четыре стороны! За такое дѣло головы положить не жалко... Только какъ къ этому дѣлу приступиться?

Объ этомъ и повели мы рѣчь со Степаномъ, когда сызнова сошлись потолковать.

— Что говорить, — молвилъ Степанъ, — мудреная штука добиться всего этого, и, можетъ, еще много лѣтъ пройдетъ, пока народъ по всей полной правдѣ свое житье устроитъ. Много еще нужно поработать, пока золотое время настанетъ... Надо прежде всего добиться, чтобы не было ни царя, ни чиновниковъ, а правилъ бы всѣмъ Земскій соборъ. Когда станетъ народу легче жить, поокрѣпнетъ онъ, съумѣетъ и полную волю и счастье добыть.

— Что же пока то дѣлать? Неужто же сидѣть у моря и ждать погоды? не втерпежъ вѣдь ужъ становится, самъ знаешь Самый смирный мужиченко и тотъ иной разъ такія рѣчи ведетъ, что только оглядываешься, нѣтъ ли гдѣ урядника, не подслушалъ бы, Боже упаси... Да коли долго такую собачью жизнь вести, такъ и народъ то весь вымретъ отъ голода, вѣдь что ни годъ, то голодъ, да и въ урожайный годъ, когда до сыта то наѣдаешься? Правда, слышалъ я, что народъ ужъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подымается, отбираетъ у помѣщиковъ хлѣбъ и скотъ, жжетъ ихъ усадьбы, да толку что-то изъ этого я вижу мало. Пришлютъ войска, перепорятъ мужиковъ, иной разъ и пристрѣлятъ нѣсколько человѣкъ, и все опять тихо. Да и куда намъ мужикамъ справиться, все то у нихъ въ рукахъ, у нашихъ враговъ; и войско

за нихъ; и деньги у нихъ; и знаютъ-то они куда больше насъ, мужиковъ. Вѣдь, этакъ, значитъ, и не быть никогда добру для крестьянства. Этакъ, значитъ, ничего и не подѣлаешь, — ложись да помирай!

— Ну, ужъ это ты, Андрей, больно пріунылъ. Страшенъ врагъ, да милостивъ богъ. Справиться намъ еще можно.

— Куда же намъ, мужичью, да противу такой силищи?

— Да пойми-же, милый человѣкъ, что силища то ихъ вся въ насъ-же, мужикахъ. Ихъ что — горсточка: плюнуть да растереть. А насъ, мужиковъ, большіе милліоны. Ихъ войско-то откуда? изъ нашего же брата. Ихъ деньги-то откуда? изъ нашего же кармана. Ну, а кабы мужичье то за умъ хватилось — тогда вѣдь совсѣмъ другая пѣсня вышла. Кабы солдатики то, братья наши, стали на нашу сторону противъ своего офицерства да генеральства; кабы мы, мужики, имъ денежекъ-то платить да на ихъ поляхъ работать не стали, кабы рабочіе на фабрикахъ ихнюю работу побросали, да и то, что отнято у насъ да у нашихъ дѣдовъ этими кровопійцами, у нихъ бы отобрали? какъ ты думаешь, Андрей, много ли у нихъ осталось бы силищи-то? А что они всѣ за одно, такъ это еще бабушка на двое сказала. Они точно, почитай, всѣ противъ нашего брата, мужика, но промежъ себя у нихъ идетъ много воровства да прижиманія. Всякій тоже изъ нихъ норовитъ себѣ отхватить кусъ покрупнѣе да повкуснѣе. Всякій-то норовитъ поднадуть другого да пообчистить ему карманы. И все то царство русское держится на воровствѣ да на мошенничествѣ. Вся-то ихъ хитрая механика выросла изъ одного корня: никому не вѣрь, тащи, что сможешь, а совѣсть — къ чорту. Нѣтъ, братъ, коли собрались вмѣстѣ воры естественные, такъ они за одно и быть не могутъ. А что насчетъ науки, то это ты правильно сказалъ, что темнота наша поперекъ дороги намъ стоитъ; но вѣдь понятіе, братецъ ты мой, дѣло наживное. Вѣдь вотъ было время, и я былъ безъ понятія, а теперя вотъ тебѣ хитрую механику разъясняю. Такъ и другой, и десятый, и тысячный. Нынѣ, братъ, почитай, нѣтъ той глухой деревни, гдѣ бы грамотнаго не было,

а гдѣ побойчѣе мѣсто, такъ грамотѣевъ-то не оберешься. А грамотѣю, братъ, вся правда-истина открыта, потому что она въ книжкахъ вся пропечатана.

— Ой-ли? говорю; — а што-жъ я ровно бы такихъ книжекъ не видалъ?

— Не зналъ, гдѣ искать, потому и не видалъ, — отвѣчаетъ Степанъ, да и вытаскиваетъ пару книжекъ изъ сапога; такъ махонькія, одна въ красной обложкѣ, на ней мастеровой нарисованъ и написано: „Кривая доля“; а на другой написано: „Бесѣды о землѣ“, и даетъ мнѣ. Взялъ я ее, повертѣлъ. Книжка, какъ книжка и „одобрено цензурой“ — это-то я уже зналъ, что, значитъ, начальство книжку продавать разрѣшило — написано и все, какъ на всѣхъ книжкахъ бываетъ.

Что же, говорю, такихъ книжекъ я не мало на базарѣ видалъ.

— То-то вотъ и есть, что только снаружи эта книжка, какъ всѣ оказываетъ. А на самомъ то дѣлѣ книжка эта не простая, не такая, что начальство одобряетъ. Эту книжку наши благопріятели выпустили и напечатали въ ней всю правду про волю царскую; какую намъ царь обманную волю далъ, и какъ намъ свою собственную волю добывать. Только обложку пришлось имъ такую сдѣлать, какъ у всѣхъ книгъ бываетъ для того, чтобы намъ легче было такія книжки отъ начальства прятать. Увидитъ у тебя, скажемъ, урядникъ и не разберетъ, что эта книжка такая, какія имъ у насъ отбирать велѣно. А если почитавши и пойметъ, что дѣло не ладно и напустится на тебя, то у тебя всегда отговорка есть; знать, молъ, не знаю, что книжка вредная, вотъ на ней и „одобрено“ написано.

Ну, признаться, удивился я тутъ. Ужъ и порядки у насъ! Вонъ, вѣдь, на какіе изворотъ пускаться приходится, чтобы правду сказать. И вдругъ это вступило мнѣ въ голову: кто же эти правдивыя книжки пишетъ да печатаетъ?

— Степанъ Ивановичъ, говорю: вѣдь, не иначе, что изъ ученыхъ людей, господскаго званія, которые книжки то эти сочиняютъ?

— Извѣстное дѣло! Вѣдь есть совѣстливые люди во

всякомъ званіи. Конечно, у котораго душа соломенная, онъ объ этомъ никогда и не задумается. А есть, вѣдь, и такіе, для которыхъ правда всего дороже. Этакой, конечно, для души, для совѣсти своей дѣлаетъ, а не ради корысти. Вотъ такъ то вотъ и пошли спервоначалу изъ господскаго званія соціалисты, которые нашу руку держатъ. Вотъ они книжки то эти промежъ нашимъ братомъ и пускаютъ.

Задумался тутъ я.

— Тоже, говорю, начальство ихъ, поди, за это по головкѣ не гладитъ?

— Эвона! крикнулъ Степанъ. Мало ли ихъ по тюрьмамъ сидитъ да въ Сибирь сослано — ровно лиходѣевъ какихъ! Сколько изъ нашихъ же кровныхъ денегъ теперь тратятъ на полицію да жандармовъ, лишь бы такихъ людей ловить да подальше запрятывать. И годъ отъ году все больше на это начальство тратитъ. Нельзя ему иначе: теперь соціалисты вездѣ пошли. Среди фабричныхъ то ихъ столько развелось, что сладу нѣтъ съ ними полиціи. А теперь и среди нашего брата мужика не мало завелось такихъ же. Не даромъ министръ еще два года назадъ полицейскихъ стражниковъ по деревнямъ завелъ. Денегъ народныхъ уйдетъ на это тоже не мало...

— Это, братецъ ты мой, называется: мои же вилы да мнѣ же въ рыло! Ахти, дѣла то какія!... А что, Степанъ Ивановичъ, между фабричными то шибко это пошло?

— Еще бы не шибко. Одно то возьми: то тутъ, то тамъ стачки да стачки...

— Это что жъ такое?

— Стачка то? По нашему сказать: забастовка. Ежели, къ примѣру, на фабрикѣ больно плохо рабочимъ живется, вотъ они и начинаютъ пробовать свою силу надъ хозяиномъ. Сперва добромъ горорятъ хозяину, или, скажемъ, управляющему: „повысь расцѣнки на столько то“, либо — „уничтожь безбожные штрафы“, — словомъ, что ихъ больше допекаетъ, то они и требуютъ, чтобы контора фабричная уничтожила. Если же контора не сдѣлаетъ по справедливости, то рабочіе бросаютъ работу

всѣ сразу и не робятъ, пока контора не сдѣлаетъ по справедливости. Ну, отъ остановки фабриканту большой убытокъ; поэтому, контора часто соглашается на требованія рабочихъ. Вотъ въ этихъ то забастовкахъ соціалисты и помогали рабочимъ давно ужъ. Оттого фабричные то нынѣ ужъ многое раскусили. Они уже по многимъ мѣстамъ воли и Учредительнаго Собранія требуютъ.

— Вотъ это ловко! А что же эти самые соціалисты къ намъ, крестьянамъ, не идутъ?

— Какъ не идутъ? Ходятъ и между нами, и книжки пущаютъ: да, вѣдь, ты подумай: насъ то крестьянъ до ста милліоновъ душъ будетъ: такъ скоро ли насъ обойдешь?!

— Да, говорю,—дѣйствительно. Плохо же наше дѣло!

— Ничего не плохо; надо только самимъ не сидѣть сложа руки, а дѣлать то же, что и соціалисты дѣлаютъ.

— А какъ?

— Такъ. Вотъ, примѣрно, скажемъ, кто у насъ добрые, умственные общественники, надежный народъ? Я такъ полагаю: Иванъ Парменовъ, да Степанъ Желтухинъ, да Григорій Сердюковъ. Вотъ и пригласимъ мы ихъ къ себѣ и составимъ впятеромъ братство такое. Дадимъ другъ другу обѣщаніе крѣпко вмѣстѣ держаться, всѣмъ за одно во всѣхъ дѣлахъ стоять, все съ общаго согласія дѣлать. Главное наше дѣло пока будетъ—раскрывать всѣмъ глаза, всю правду втолковывать. На сходкахъ во всѣхъ дѣлахъ будемъ дружно стоять за правду, не будемъ поддаваться богатѣямъ да кулакамъ. Будемъ уговаривать крестьянъ нашего и окрестныхъ селъ не брать землю у помѣщиковъ въ аренду дороже справедливой цѣны, не идти къ нимъ на работу за гроши. Если насъ много будетъ, такъ окрестнымъ помѣшикамъ да кулакамъ трудно будетъ справиться. Какъ откажутся окрестные мужики въ горячую пору идти къ нимъ на поденщину или не станутъ снимать земли—что они подѣлаютъ? Издалека вѣдь тоже не всегда рабочихъ вышишь, да и не выгодно это. Иной разъ каждый часъ дорогъ, а тутъ ищи рыщи поденныхъ. А арендаторовъ то издалека и подавно трудно достать. Коли это не поможетъ, и если какой земскій либо другое на-

чальство начнутъ очень ужъ тѣснить крестьянъ, то вѣдь не мало и другихъ способовъ ихъ обломать, уму разуму обучить — только надо умѣючи за дѣло взяться...

— Слава те, Господи! Найдемъ средствія. Небось, вонъ, шепелевскій урядникъ много поумнѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ ему ночью тамошніе рабята бока намяли.

— То то же! Теперь ты и сообрази: ежели этакія крестьянскія братства во многихъ деревняхъ будутъ, да станутъ они промежъ себя тайный совѣтъ держать, такъ вѣдь это какая сила будетъ! А тутъ еще городскіе да фабричные рабочіе! Да студенты! Вѣдь это, если другъ за дружку стоять, то начальство не будетъ знать, куда кинуться. Только въ одномъ городѣ рабочихъ да студентовъ усмирили, которые Земскаго Собора требовали, — глядь — анъ въ деревнѣ крестьяне о томъ же кричатъ, а не то у помѣщиковъ землю отбирать начали! Начальство — туда, анъ въ третьемъ мѣстѣ бунтъ: земскаго прогнали! Ты какъ полагаешь? Вѣдь эдакъ — сколько ни будь солдатъ да полиціи, на всю Россію не хватитъ!

— Вотъ это такъ! Противъ ихней хитрой механики мы свою, еще похитрѣй подпустимъ!

— Во-во-во!... Именно!...

— Идетъ, Степанъ Ивановичъ!... Вотъ тебѣ моя рука! Составляй братство, а я отъ міра не отмѣтчикъ! Да еще Петра Колѣнкина приглашу — изъ Воскресенскаго села; надежный умственный парень. Онъ, значитъ, въ своемъ селѣ дальше дѣло поведетъ.

— Смотри же: другимъ прочимъ ни гу-гу!

— Эвона! Нешто я не знаю! Это дѣло аккуратно надо вести.

На томъ, значитъ, мы со Степаномъ и порѣшили. Вѣрите ли, братцы: ровно бы камень съ души у меня въ тѣ поры свалился! Еще бы нѣтъ! Вѣдь ежели наше дѣло пойдетъ, да другія братства по всей крестьянской Руси раскинутся — тогда вся барская да царская хитрая механика вверхъ тормашками пойдетъ!